Слава тебе за этот дар!

К 85-летию Поэта Тимура Зульфикарова

(Начало – стр.1)

Но даже нынче, в окопах патриотизма, русские бранятся с русскими…

О! Господь, дай нам силы перестать воевать друг с другом в стане внутренних и внешних врагов!..

Вот мы – люди культуры, восхищаемся ли мы своими собратьями?..

Или у нас уже полностью убит инстинкт восхищения?..

Кто из нас воскричал о наших талантливых современниках?

…А ведь чужебесный шоу-бизнес заживо засыпает их песком забвения…

А мы смиренно молчим!..

А другие не молчат!..

Однажды прошёл слух, что я – бухарский еврей…

О Боже!

В какой океан любви, нежности, внимания и понимания я окунулся!..

Жаль, что это счастье было быстротечно…

А вот евреи стали Хозяевами Мира, потому что они усвоили древнейший Божественный Закон, записанный на ассиро-вавилонской тайной Изумрудной Скрижали…

И что же было начертано на этой Скрижали?..

Люби Бога!..

Люби Свою Кровь, Свой Народ!..

И будешь Владыкой Мира!..

Знаем ли мы – русские – эти Великие Божественные Законы?..

Или мы верим в смертельные сказки о всечеловеческой любви, об интернационализме, о толерантности?.. О том, что «нет ни эллина, ни иудея…».

Если человек не любит свой народ, он никогда не полюбит другие народы… А будет или по-рабски завидовать другим народам… или по-барски их презирать…

Не пора ли нам, русским, стряхнуть пепел ложных словес и вначале возлюбить друг друга – согласно Ветхому Завету, а потом уже врагов – согласно Новому…».

Таковы мысли о Жизни вообще и о России и русских в частности Поэта, Учителя, Старца Тимура Зульфикарова; мысли, больше похожие на его долгоиграющее Завещание всем, кого он любил, любит и будет любить, даже оказавшись там, на Небесах, давно освоенных и его Ходжой Насреддином, и его «Земными и небесными странствиями поэта», да и вообще всем его творчеством, включая прозу с драматургией и полемическую публицистику.

Не могу удержаться, не процитировав полностью одно из самых пронзительных его поэтических творений – стихотворение «Первый снег в Зимчурудских горах», присланное нам в редакцию зимою 2019 года из далёкого горного Таджикистана – малой светлой родины Тимура, в которой он не был с девяти лет. И о которой тоже скучал и тосковал, как сейчас скучает и тоскует о любимой и большой родине – России.

…Уже вечер…
Уже первый снег заструился в Зимчурудских горах…
Уже зима…

Я один в моей саманной глиняной кибитке-ковчежце
На вершине Золотой Горы Кухи Тилло…

Я закрываю хлипкую ореховую дверцу –
Уже никто не придёт по первому робкому снегу на гору мою,
Если и без снега никто не пришёл…

Я ложусь на старую железную сталинскую кровать
И покрываюсь старинным павлиньим бухарским одеялом –
Оно напоминает мне мой нагорный сад весной –
И я пытаюсь уснуть в саду этом…

Печь глиняная всхлипывает…
от неё идёт ласковое тепло…
Сон… сон… что ли…

Кто-то тихо нежно стучится… царапается в дверцу,
Как птица замёрзшим раненым крылом…

…Кто там?.. Кто…

…Я заворачиваюсь в одеяло, встаю, открываю дверь…
Пахнет молодым снегом… как свежим огурцом…

Входят три улыбчивых мужа
В чабанских мохнатых чекменях из козьих шкур
И в дервишских лисьих кулохах-колпаках…

…Кто они?..
Я их не знаю… странники дальние что ли?..

– Брат… выпьем чаю…

…Я рад, что я не одинок…
И согреваю чай и самаркандские молочные лепёшки
На теплотворной печке…
Больше у меня нет еды…
Бедность – Подруга одинокой старости…
Вдвоём им легче…

Тогда приходит третья Подруга бедности и старости –
Мудрость…
А Четвёртая – медлит… Смерть…

Четыре Вечных Старухи скоро соберутся в доме моём…

…Мы пьём чай, грызём засохшие неподатливые лепёшки…
Гости мои молчат…
Я чую: они устали… даже говорить им трудно…
Но всё время они улыбаются мне,
как в детстве мать и отец…

…Один из них вынимает из кочевого хурджина-мешка
Кусок иранской золотистой фисташковой халвы
И нежно опускает её в мою пиалу…
Халва, как камень, но она быстро растворяется в моём чае
И делает зелёный чай золотым,
Как спелый колос богарной пшеницы…

Я тревожусь: как они будут ночевать
в моей бедной кибитке…
Где я возьму столько подушек и одеял…

Но они встают, обнимают меня,
Щекочут мне лицо и бороду козьими пахучими чекменями:
– Брат… прощай… Мы же чабаны, нам идти надо… пасти…

…Но кого пасти?..
Все стада сейчас в кошарах…
Снег падает…
Оставайтесь на ночь…
Утром пойдёте…
В горах холодно… мороз…

Они улыбаются:
– Нам тепло… От Звезды…
Она греет…
И зовёт нас…
Иначе обидится и уйдёт…
Мы её пасём…
А она нас…
И так согреваемся…

…Они уходят, улыбаются…
И тут я вижу, что они в тёплых козьих чекменях
и лисьих кулохах,
Но совершенно босые…
жёлтые пятки сверкают на первом снегу…

Я хватаю-собираю свои старые кауши-башмаки
и памирские джурабы –
Их у меня дареное множество…
И догоняю странников:
– Возьмите… снег… а вы босые…

…Самый старый улыбается мне:
– Благодарим, брат… мы же давно идём…
Одежды не истрепались, а башмаки истёрлись…

…Они умело быстро надевают джурабы и башмаки…
Теперь на снегу нет следов нагих человечьих ступней…

– Брат… прощай…
Благодарим за джурабы… кауши… лепёшки… чай…
Так хочется поговорить с тобой… подремать…
Но надо идти…
Вон видишь – над твоей Золотой Горой
Звезда пламенеет и ждёт нас…
Мы ж пастухи…
И бредём – за этой Звездой…

…Я кричу им вослед… в густеющий снег…
В метельный… в уже беспредельный…
– Возвращайтесь…
Я буду вас ждать!
Сварю вам плов из певучих спелых перепелов…
Меня звать Ходжа Зульфикар…
Оооо… Аааа…

…А они – уже незримые в метели… поют…

…А мы – Мельхиор… Гаспар… Балтасар…
И две тысячи лет бредём…
За Звездой… Вифлеема…
Чтоб пасти Агнца Новорожденного Вечного…
А кто пасёт Вечного –
Сам становится Вечным… вечным… вееее…

…А метель… густослепозвонно веет… лепечет…
И заметает Зимчурудские горы… Леденеющие…
И мою глиняную кибитку согбенную…
И Волхвов…

Счастливых…
Улыбчивых…
Двухтысячелетних…

* * *

Дорогой, драгоценный наш друг Тимур – Ходжа Зульфикар, мудрый восточный дервиш!

В день твоего очередного рождения, в день 85-летия, мы дарим тебе всю силу своей любви и благодарности, порождённой твоим человеческим и творческим гением в наших сердцах за годы трепетной и светлой дружбы с тобой.

Дарим в надежде продолжать греться под лучами твоего мудрого человеческого гения ещё столько, сколько тебе отпустит Небо.

Творческий же твой гений будет освещать века – он бессмертен! Слава тебе за этот дар!

– –

P.S. Некоторые, критикующие мой стиль якобы деления мира литературы лишь на две категории – чёрное и белое, глубоко ошибаются. Для меня как творчество, так и жизнь различаются лишь работой на разрушение и работой на созидание *души*. Перечисленные в статье имена пелевино-сорокиных относятся частью своих «творений» к попытке встать между созиданием и разрушением на защиту созидания. Но… жажда заглянуть в бездну разрушения – с якобы благой целью высветить дно и запугать им читателя – чаще всего заканчивается тем, что бездна затягивает их самих в глубину свою. К несчастью, не только пелевино-сорокиных, но и их поклонников, последователей (я чётко вижу это по творчеству некоторых молодых авторов, настойчиво присылающих нам свои «обличительные» труды, являющиеся калькой с трудов вышеозначенных «гениев», воспеваемых либеральной критикой) эта бездна начинает затягивать в себя.

Каждому творческому человеку, пытающемуся «расширить» своё сознание до бесконечности, следует помнить предостережение Ницше: «Если долго смотришь в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя». А уж он-то знал на собственном горьком опыте – *от чего* пытался оградить «любознательных».

И о водолазкиных: страшно надоели уже эти лже-акакии акакиевичи, заплутавшие в трёх соснах бесконечной тягомотины изложения вот таких авторов. Их ведь – наравне с прямыми разрушителями! – тоже тащут-тянут чуть ли не насильно из года в год на пьедестал русской литературы. Ими забивают прилавки книжных магазинов…

Валентина ЕРОФЕЕВА

«Иван Денисович» и узник Азкабана

О современных дельцах от кинематографии

(Начало – стр.1)

Этим настоящий писатель отличается от литературного напёрсточника, вроде Солженицына. Потому, что одно дело – сострадать заключённым, ссыльным, невинно-осужденным, как Стивен Кинг, как Фёдор Михайлович Достоевский (мы же помним, что Митю Карамазова осудили по ошибке! И записки Достоевского о царской каторге тоже помним), и совсем другое дело – на эмоциональной волне, поднятой естественным сочувствием к страданию человека (какой ни на есть, а всё ж образ и подобие божие), – давать «космические по масштабам, и космические же по глупости» приговоры всей собственной истории и своему Отечеству.

***

Понимаете, в чём подлог Солженицына? Как опытный шулер, он начинает с бесспорной правды: в нашей стране, претендовавшей на солнцеликую исключительность, *тоже* были тюрьмы, как и в других странах. И в них *тоже* страдали люди, некоторые за дело, а некоторые и безвинно… Зачем наша страна выделывалась, изображая из себя солнцеликую исключительность, – отдельный большой и больной вопрос. Как-нибудь обсудим отдельно, а пока не об этом.

А о том, что когда вы заглотили крючок с сентиментально-жалостливой приманкой – манипулятор делает «подсечку», развивая исходную мысль далее так: «Да в нашей стране вообще ничего не было, кроме тюрем и заключённых! И ничего, кроме страданий, и никого за дело не осудили, а только сплошь всех безвинно!».

Сентиментальность, жалостливость – красят человека, но если они применяются без мозгов – то могут превратиться в орудие убийства. Наши классики всегда понимали это, и не перекармливали читательскую жалость чрезмерными политическими выводами.

Из того (кстати, документального) факта, что царский суд не оправдал невинного Митю Карамазова, – Достоевский не делает вывода о необходимости уничтожения исторической России и объявления русского народа проклятым недоумком.

Из того факта, что американский суд не оправдал невинного Энди Дюфрейна, – Стивен Кинг не делает вывода о необходимости уничтожения США (в тюрьмах которых процветает гомосексуальное насилие) и объявления американского народа проклятым недоумком.

И только Александр Исаевич «дорос» через лицезрение страданий людей в тюрьме до идеи разрушения всей страны и реставрации архаики предыдущих веков…

***

Есть такая болезнь – русофрения. Это разновидность шизофренического раздвоения личности на современном Западе, когда Россия одновременно объявляется предельно слабой, нищей, конченной, распадающейся страной – но при этом готовой вот-вот захватить весь мир. Никто из русофреников не может логически объяснить – как такое возможно «в одном флаконе»: беспрецедентная отсталость и беспрецедентная сила?

Аналогичная болезнь, я думаю – «краснофрения». Это раздвоение личности, при котором веришь, что коммунисты создали невообразимый, адский кошмар, чёрную дыру чумного барака – и одновременно с тем смертельно боишься популярности коммунистов, симпатий к ним самых разных народов, от Гаваны до Ханоя…

Если в бессмысленно возникшей и бессмысленно зверствовавшей, и бессмысленно обрекавшей свой народ на бессмысленные жертвы и нищету «красной империи» не было ничего, кроме страданий Ивана Денисовича – откуда тогда взялись на других концах земли Фидель Кастро или Хо Ши Мин?! Чего такого они увидели в нищете залатанного ватника Ивана Денисовича, что захотели своим народам передать?

Никакой диалектики у солженицынской рати нет: у неё только чёрное и белое. Одержимые своей «краснофренией» они кричат без паузы и даже запятой – про угрозу коммунистического ада и угрозу коммунистического соблазна, как будто ад может кого-то соблазнить.

Вот почему «Побег из Шоушенка» – это великая книга и великий фильм о людях, о жизни как она есть, а «Иван Денисович» во всех его ипостасях – дешёвая и плоская агитка. Справедливости ради скажу, что такие же бесталанные плоские агитки были в изобилии и с другой стороны. То есть с красной, с советской. Они и вызвали в итоге отвращение, во многом способствовали «перестройке» (хотя, конечно, не были главной её причиной).

А вот Шолохов умел рассказать о настоящей (а не выдуманной по несуществующему «закону войны») трагедии казачества, и жутчайшие сцены человеческих страданий, мытарств у Шолохова гораздо сильнее, чем у Солженицына. Потому что Шолохов говорит о жизни, а не заказуху чёрно-белую лепит. Потому что Шолохов, честно показывая зверства красных, – подробно объясняет, почему и откуда они взялись, из каких корней выросли, как сформировалась в целом эта мрачная развязка многовековой драмы.

А у Солженицына, и тем более его экранизаторов есть во всей нашей истории только непонятно откуда набежавшая толпа маньяков-идиотов, бессмысленно и беспощадно истязающая лубочных праведников…

Ну, если ты враг красным – так ты задай себе хотя бы простой вопрос, откуда они взялись в таком количестве?! О большем уж и не прошу! Ты же не подростковое кино про Гарри Поттера снимаешь с его тюрьмой Азкабаном, а претендующий на историчность фильм о самом драматичном моменте истории твоего Отечества, о поколении победителей фашизма, поколении покорителей Космоса! А у тебя не видно ничего, кроме тюрьмы, да и в тюрьме – никого кроме садистов и слабоумных инфантилов, у которых «невинности полные штаны»…

***

Тюремная тема в искусстве коварна: она такова, что даже безо всякой лжи, клеветы и подтасовок, с протокольной точностью фиксируя только реальные факты, – можно создать картину ада на земле. Почему?

Одна из целей существования тюрем в том, чтобы люди очень боялись и очень не хотели в них попадать! В любой стране, при любом строе – люди должны понимать и чувствовать, что тюрьма – страшное место. А чтобы они это чувствовали – тюрьме приходится быть страшным местом. Если же она будет санаторием со всеми удобствами – кого угроза такой тюрьмы отвратит от преступлений?!

Высший пилотаж подлости – взять советскую тюрьму и выдать её за советский строй в целом! Как будто бы не было ничего – кроме вот этих «зэков» и этих «вертухаев»…

И ведь такой подход солженицыновщины расчеловечивает не только

конвоиров, персонал *исправительных* лагерей сталинской эпохи, но и их узников! Потому что, расчёсывая чирей политической пропаганды, на них, как на людей со сложными, уникальными человеческими судьбами, – наплевали, их всех причесали под одну гребёнку, всех обезличили, выдернули из контекста времени, из судьбы. Были очень разные люди – а вышли из них безликие агнцы, барашки для жертвоприношения, единственная роль которых – блеять от боли и делать круглые заплаканные глаза крупным планом…

Вы действительно людей жалеете – или вам только одно нужно: коммунистам насолить? Почему – не устаю я спрашивать – вы объявили святым мучеником Николая II, но даже не думаете объявить святым мучеником царя-младенца Иоанна Антоновича, с пелёнок запертого в тюрьму и там же убитого родственниками?! Где иконы с нимбом, изображающим Иоанна Антоновича, который – даже чисто в силу возраста – не успел согрешить ни словом, ни делом, принял смерть мучительную и невинно, и был венценосцем царского рода, помазанником Божиим?!

Что же вы за люди такие, если вам совсем не важно, кого и как убили – а лишь бы только красные укокошили… И вот тогда только вы, как клопы, кровью негодующей наливаетесь?!

А если не красные – то тогда и пофиг, убили и убили, пустяки, дело житейское! Вопрос на засыпку: вы бы вспомнили того же Ивана Денисовича, если бы он сидел на царской каторге вместе с Достоевским? Или туда только за дело сажали кого нужно?

А как полковника Буданова в наше время, после чеченской войны посадили (а потом и убили) – помните? Тоже – «по закону военного времени» после чеченской войны сел на те же самые 10 лет Ивана Денисовича. Кинцо снять не желаете, как защитнику Отечества плохо в российской тюрьме?

Знаю, что не желаете. Начальство не любит самодеятельность, если она не художественная. А плаксивый либерал не любит жертв – если они не от коммунистов. В ином случае – сам будешь виноват, Иван Денисович!

***

Я сам литератор, и убеждён, что искусство должно затрагивать любую тему – включая и закрытые, и острые, и болезненные. Но в лице оголтелых десталинизаторов, заполонивших все экраны и все книжные магазины, – мы видим вовсе не «искусство без границ», а наоборот: очень ограниченных людей с «партийностью искусства» в худшем смысле этого выражения.

Если уподобить писателя (и кинематографиста) судье, то достойный ведёт дело, рассматривает его со всех сторон, а коррумпированный, не глядя, штампует приговоры. Так и эти!

Я и сам не хочу видеть на экране причёсанных в лакейскую скобку и умасленных большевиков-ангелят. Они не такие были, но и не обратные. И когда вы их изображаете конченными дегенератами – то игнорируете и флаг Победы над Берлином, и первый полёт в Космос.

И собственное образование, которым они вас бесплатно обеспечили, видимо, чтобы вернее вас угробить, и те квартиры, в которых доселе живёт большинство населения страны, и без которых (тоже бесплатно полученных) – у нас было бы 90% бездомных… Всё это сделали звероподобные дегенераты, катающиеся верхом на слабоумных несмышлёнышах?! Неужели только я один вижу в таком предположении логическую натяжку?

Мне и самому противно, когда грозного диктатора Ленина изображают каким-то «пряничным дедушкой», милашкой и душкой, чего, кстати, никогда не делал сталинский кинематограф. Ложь токсична: залакировав исторического персонажа, вы добьётесь только того, что всё о нём станут в итоге считать ложью.

Вы хотите показать страшного Сталина? Так покажите!

Но вместе с тем, если снимаете не «Гарри Поттера», а «типа исторический» фильм, – покажите, почему в определённые моменты истории нужно и необходимо быть страшным. Откуда это берётся и чему это служит! Покажите ужас античной трагедии, фобос и деймос, а не дешёвку про маньяка без ума и цели, в одиночку запугавшего двести миллионов беспрепятственно потрошимых им жертв…

Найдите мужество задать с экрана вопрос – а что было бы, если бы Сталин тогда не был страшным? И где бы мы теперь были, и были бы мы вообще – веди он себя «конструктивно», как Горбачёв? Я не навязываю вам готовых ответов, предлагаю вам дать свои, просто рискните самих себя спросить…

Разве не очевидно, насколько изменились в XX веке, прошедшем под знаком СССР, весь мир, планета, человечество? Это что, злой бог Мардук дал трактора вместо сохи, квартиры вместо курных изб, электричество вместо лучины, обувь вместо лаптей, космические и ядерные технологии – наслаждаясь жертвоприношением Ивана Денисовича? Или, может быть, капиталисты Запада сами, без советской угрозы, пошли навстречу своим рабочим, в корне изменили их быт? Тысячу лет не шли – а тут вдруг такое совпадение: Сталин в Москве и у капиталистов совесть проснулась?!

***

Задумайтесь: вы снимаете фильм об исторической эпохе, когда ваше Отечество (ваше ли?) находилось на самом пике своего исторического, научного и культурного величия, военного-политического могущества, международной славы и признания, когда оно выступало Державой-гегемоном, вершителем судеб мира, надеждой многих народов…

И вот об этом зените национального торжества – вы снимаете фильм так, как будто о Центральноафриканской республике в худшие её годы… Презренной, отсталой, омерзительной, с императором-людоедом, окружённым дикими и злыми, безумными и безграмотными дикарями с копьями! Не об этом ли сказал болгарский поэт Дончо Дончев:

Не трогайте Россию, господа!
Ей больно и без вашего укора.
Она по части самооговора
Себе не знала равных никогда…

Неужели вам самим не противна настолько однобокая трактовка героического, эпического времени, его трагических жертв, «русского века» планеты Земля, в котором у нас всё было великим, включая и заблуждения. Да, когда всё большое – то и ошибки тоже большие, а не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Вы хотите показать маленького человека в большом мире? Маленького, скрюченного страданиями человека я вижу, а большого мира – нет. И больших людей у вас тоже нет. Оттого и страдания маленького человека, солженицынского «зёрнышка меж двух жерновов» – кажутся неправдоподобными, картонными, липовыми. И становится ясно, что на маленького человека вам тоже наплевать, он вам показушно нужен только в лагере, но не до, и не после.

Да, искусство обладает определённой силой. Да, её не стоит преувеличивать – но нельзя и недооценивать. Народ, которому тридцать лет из каждого утюга говорят, что он полоумный кровожадный варвар – даже вопреки всем очевидным фактам истории может однажды в это поверить.

И вслед за тем испариться в никуда – как бывает с народами, принявшими вражеское мнение за своё собственное. Миллионы людей, которых сегодня заставляют забыть русское имя и язык – ничего уже не смогут прочитать по-русски, в том числе и пресловутый «Один день Ивана Денисовича»…

Именно туда, куда не довёл Гитлер, – ведут нас сегодня десталинизаторы.

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)